

Екатерина Котлярова

**ЗУБРИЛКА
ДЛЯ ЧЁРНОГО**

Короткий любовный роман

УДК 82-993
ББК 84-4
К73

К73 **Котлярова Е.**
Зубрилка для Чёрного: Короткий любовный роман / Екатерина Котлярова – М.: Леппех Софт, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 98 с.

ISBN 978-5-521-89839-8

— Чернышев,пусти меня! Какая муха тебя укусила? Чего ты хочешь от меня, Игнат? К чему всё это? Зачем ты за мной пошёл? — дёргаюсь, пытаюсь вырваться из железной хватки.

— Ты дуручкой прикидываешься? Или, правда, не понимаешь? — подаётся вперёд, горячим дыханием опалает лоб.

— Нет, не понимаю. Дай мне пройти, пожалуйста!

— Тем интереснее.

— Боже! Всё, это даже не смешно, Игнат! Отпусти меня немедленно, а иначе я закричу и позову учителей!

— Зови, Зубрилка. Будет интересно посмотреть на то, как нашу отличницу застукают в туалете в компрометирующем положении.

Первая часть истории про сестру Ульяны (Его Заучка).

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-89839-8

© Е. Котлярова, 2025

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	55
Глава 6	66
Глава 7	74
Глава 8	81
Глава 9	90

Глава 1

Катя

Кидаю взгляд на часы и со всех ног бегу в сторону школы. До звонка с урока остаётся всего две минуты. Больше всего на свете я ненавижу опаздывать. Особенно сильно я не люблю опаздывать на контрольную работу.

Я на ходу снимаю шапку, разматываю шарф и расстёгиваю куртку. Вбегаю по лестнице на крыльцо школы и со всех сил врезаюсь носом во что-то твёрдое. Я так внимательно смотрела себе под ноги, что даже не заметила, что на крыльце кто-то стоит. Мне кажется, что я налетаю на стену, потому что переносицу пронзает острая боль, а нижняя губа и лоб начинают саднить.

Носа касается сильный, вкусный запах тела, с примесью одеколона, мороза и никотина. Я охаю, когда понимаю, что налетела на парня, и отступаю.

Делаю ещё шаг назад, чувствую, что ногой ступаю мимо ступени и начинаю заваливаться назад. Я нелепо взмахиваю руками и готовлюсь к жёсткому приземлению на спину и удару затылком об асфальт. Но меня резко хватают под локоть и с силой дёргают вперёд. Так резко, что я снова носом впечатываюсь в каменную грудь, обтянутую лишь тканью лёгкого серого свитера.

Тихо шиплю от боли в переносице.

— Зубрилка, смотрю, ты сегодня очки забыла дома. Не видишь, куда идёшь, — этот насмешливый и ехидный голос я узнаю из тысячи.

Но ещё никогда он не раздавался настолько близко. Ещё никогда он вместе с мятным дыханием не касался волос и лба, не вызывал незнакомые колкие мурашки, которые враспынную кинулись по телу.

Я прикрываю глаза. Выдыхаю и языком быстро пробегаюсь по потрескавшимся от холода губам. Пытаюсь привести свои чувства в порядок, унять волнение, которые вдруг придавило меня плитой к земле.

Вскидываю голову, распахиваю веки, смотрю в карие глаза Чернышева и теряюсь. Моё дыхание застревает в горле. А коле-

ни вдруг начинают трястись, подкашиваться. Мне вдруг кажется, что, если бы не рука, всё ещё лежащая на моей пояснице, я бы непременно рухнула.

Я смотрю в карие глаза, в которых медленно расширяются зрачки. Я смотрю в них. Мне кажется, что они, словно две воронки, засасывают меня на дно. Заставляют забывать собственное имя.

Это странно, но я не могу даже моргнуть. Я будто под гипнозом, замороженная, неотрывно смотрю в очи Чернышева, с каждым мигom чувствуя, как сильнее и сильнее кружится голова. Как окружающий мир стирается, сужается лишь до карих глаз Игната. Есть только стук моего сердца. Есть только запах его тела.

Я моргаю, когда слышу громкий и продолжительный звонок на урок. Я вынырываю из странного оцепенения, в которое провалилась. Звуки обрушиваются на меня, а мир меняет фокус. Создаётся ощущение, что я вынырнула из воды.

Я чуть трясую головой. Окидываю одноклассника взглядом. Осознаю, что Игнат смотрит на меня с насмешкой и кривит губы в презрительной высокомерной ухмылке.

– Спасибо, Игнат, – вежливо улыбаюсь однокласснику, хотя у самой сердце колотится в самом горле.

Громко. Набатом отдавая в ушах.

Впервые я оказалась возле Игната Чернышева настолько близко. Впервые увидела, что в карих глазах затаились золотистые крапинки. И мне до ужаса сильно хочется разглядеть их и сосчитать каждую, что меня пугает. Слишком неожиданно обрушились на меня эти чувства и желания.

– Будешь должна мне, Зубрилка, – парень склоняет голову вниз и насмешливым, пренебрежительным взглядом окидывает меня с ног до головы, особенно долго задерживается на красных щеках и распахнутых глазах, которые сегодня не защищены стёклами очков. – Хотя... Брать с тебя нечего. Даже взглянуть не на что.

Я поджимаю обиженно губы и вскидываю подбородок. Хочется заплакать, но я молча обхожу парня по широкой дуге и захожу в школу. Над головой раздаётся второй звонок на урок.

Я скидываю куртку, запихиваю в рукав шапку и шарф, возвра-

щаюсь к лавке, на которую кинула рюкзак и обнаруживаю, что он пропал.

Оглядываюсь и вижу Игната, который стоит чуть поодаль, криво ухмыляется и держит в руках вещь, которая принадлежит мне. Медленно подхожу к молодому человеку и, не поднимая на него глаза, тихо прошу:

– Игнат, отдай мне рюкзак, пожалуйста. Мы уже на урок опаздываем. У нас контрольная работа.

– Зубрилка, как-то ты плохо просишь, – склоняется ко мне. Горячее мятное дыхание касается лба и переносицы. – А контрольная от тебя никуда не убежит, Бунтарёва. Тебе пятёрку поставят только за твой заумный вид.

Я застываю, чувствую, как горячее дыхание смещается к губам. Заворожённая его близостью, прерывисто выдыхаю, жмурю глаза и пытаюсь восстановить собственное дыхание, которое стало слишком частым и прерывистым. Ни один парень не подходил ко мне настолько близко, никто не говорил со мной настолько нагло.

Я опускаю голову вниз. Я чувствую, что в каждом пальце на руках у меня появляется странное покалывание. Будто огненные змейки оплели каждую косточку и покусывают косточки острыми зубками. Сердце стучит часто, с надрывом. Кажется, что в любое мгновение оно вырвется из грудной клетки и упадёт на каменный пол. К ногам этого грубого, наглого и самовлюблённого парня. Того, кто всегда хамит учителям, влезает в драки, нарушает все школьные правила и разбивает девичьи сердца.

– Чернышев, – я смотрю на носки своих сапожек, – отдай, пожалуйста, мой рюкзак. Мы опаздываем на урок, – твержу упрямо.

– Зубрилка, твои книги никуда не убегут, – произносит с издёвкой, а сам руку вскидывает и пальцами ведёт по запястью моей протянутой руки.

– Ой, – я выдыхаю взволнованно и испуганно, когда огромные мурашки разбегаются в разные стороны от места прикосновения.

Я впервые в своей жизни испытываю чувство, похожее на прикосновение крыльев бабочек в животе. И впервые в жизни от чужого прикосновения у меня голова идёт кругом.

Сколько раз я читала про это в книгах. Но оказалось, что в жизни всё... куда острее. Сильнее. Глубже. И не поддаётся описанию. Слишком много чувств. Слишком много переживаний.

Я вскидываю на парня глаза и вижу, как напряжённо он вглядывается в моё лицо. Жадный взгляд Игната шарит по щекам, губам, глазам, шее и подбородку. От такого пристального внимания я краснею от кончиков пальцев ног до кончиков ушей. Вновь торопливо провожу языком по губам, которые слишком сильно пересохли. И сейчас я совсем не уверена, что это из-за мороза на улице. Потому что всё тело дрожит не от холода, а от жара, охватившего всё тело.

Вижу, как взгляд одноклассника опускается на мои губы. Как карие глаза Чернышева становятся темнее. В них медленно расширяются зрачки. И это настолько завораживающее зрелище, что я не могу оторваться. Я вижу в глазах Игната собственное отражение.

Красные от мороза щёки и нос, широко распахнутые глаза, красные и припухшие губы, растрёпанные и торчащие в разные стороны волосы. Я моргаю. Отступаю на шаг от парня. Задерживаю дыхание, чтобы не чувствовать запах тела Чернышева. Он как-то странно действует на меня. Слишком сильно.

Я трясую головой, прогоняю наваждение. Хмурюсь и тянусь рукой к плечу парня, на которое он закинул мой рюкзак.

— Спасибо большое, что решил помочь, но сегодня мой рюкзак лёгкий, Игнат, — улыбаюсь. — Позволь, я сама.

Я тяну лямку на себя, но забрать свою вещь из рук молодого человека никак не выходит. Он слишком сильно сжимает лямку. Держит и не собирается отдавать.

— Игнат, прошу тебя. Пожалуйста. Отдай. Чего ты? — вскидываю брови. — Что на тебя нашло?

— Интересно, — вдруг с ухмылкой выплёвывает парень, — а как ты будешь просить, если я тебя сейчас затащу вон в ту кладовую и руками проберусь под твою юбку? М? Что-то подсказывает, Бунтарёва, что ты не так скромна, как пытаешься казаться. Белые овечки всегда горячие.

Я распахиваю рот и округляю глаза. Таких слов я не слышала никогда. От них меня охватывает мучительный жар с ног до голо-

вы. Я жмурю глаза и трясую головой. Я будто пытаюсь избавиться от звучания хриплого низкого голоса, который так волнует меня.

– Ты что такое говоришь, Игнат? – пытаюсь говорить так, чтобы мой голос не дрожал и не срывался. – Это... Это неприлично! Недопустимо! Грязно и... и мерзко!

– Свои желания? Мысли? – выгибает бровь и хмыкает, а я понимаю, что он просто насмехается надо мной.

Как и всегда. Как он это изошрённо любит делать. Злюсь. Со всей силы дёргаю лямку на себя, вырываю рюкзак из цепких пальцев.

– Какая стеснительная Катюша, – цедит сквозь зубы. – Неужели, никто подобного тебе не говорил? – склоняет голову к плечу. – Да неужели, Зубрилка. Как забавно, – смеётся, когда мои щёки заливаются краской смущения. – К Зубрилке никто не подкатывал раньше...

– Ты... Ты-ы-ы... – шепчу непослушными губами. – Это омерзительно! Это...

– Что? Ничего придумать не выходит? – хмыкает, склоняя голову и замирая в считанных миллиметрах от моих губ.

Я тяжело сглатываю и отшатываюсь, когда чувствую, как запах парня окутывает меня со всех сторон. Тяжёлый. Как и его взгляд, которым он меня награждает. Я вскидываю руки и давлю на плечи Игната, тщетно пытаюсь его отодвинуть. Я готова расплакаться от отчаяния. От беспомощности. Я, как маленький новорождённый котёнок, рядом с огромным псом.

– Игнат, прошу, не нужно всего этого. Я не знаю, что ты задумал и зачем ты это делаешь. Я пойду на урок. Звонок уже дважды прозвенел. И... – я выдыхаю.

Не нахожу, что сказать. Обхожу парня и бегу по лестнице вверх, слыша за спиной его тяжёлые и неторопливые шаги. Залетаю в кабинет английского и спешу к первой парте, шёпотом извинившись перед учителем. Аккуратно выкладываю тетради на край стола и сосредотачиваю всё внимание на учителе, который только начал говорить, какие задания нас ждут на контрольной. Пытаюсь сосредоточиться. Потому что в класс заходит Чернышев, проходит к своему месту за третьей партой, садится, а я спиной и затылком чувствую изучающий и насмешливый взгляд.

Я открываю учебник на странице с контрольной работой. Беру ручку и вчитываюсь в задание. Но вникнуть в написанное никак не выходит. Я вся напряжена до предела, а мой мозг никак не желает переключаться на другой язык. Потому что в голове звучат фразы, произнесённые хриплым и низким голосом одноклассника. Слишком порочные и грязные. Слишком откровенные. Они сбивают меня. Они заставляют меня вновь и вновь краснеть и смущаться. Как и то, что я чувствую изучающий и ленивый взгляд, прожигающий меня с третьей парты.

Когда мне стало казаться, что мои волосы на голове начинают пылать от взгляда Игната, я поднимаюсь и выхожу из кабинета. Мне нужно перевести дыхание. Привести все чувства в порядок.

В коридоре замираю у окна, упираюсь руками в подоконник и низко опускаю голову. Делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. Боже мой. Что происходит? Почему Чернышев решил направить на меня своё внимание? Я же всегда была для него пустым местом. Он всегда в центре внимания, заводила, душа компании. А я общаюсь лишь с узким кругом одноклассников.

Я вжимаюсь лбом в холодное стекло и часто дышу, пытаюсь выровнять своё запредельно частое сердцебиение. Перед глазами красивое лицо Игната, насмешливая ухмылка, карие глаза. И как бы я не пыталась стереть с сетчатки глаз его образ, сделать это никак у меня не выходит.

С моих губ срывается тихий шёпот:

– Игнат.

– Да, Зубрилка? – я взвизгиваю и подскакиваю на месте, хочу развернуться, но кто мне позволит. Две огромные ладони падают на подоконник по обе стороны от меня, заключая в ловушку. Смотрю вниз, на руки Чернышева, вижу, что на них сбиты костяшки пальцев. Он снова с кем-то дрался. – Слышал, ты меня звала, Катя. Что хотела?

– Т-т-теб-б-е послышалось, – неуверенно бормочу я, опускаю голову вниз, чтобы волосы скрыли мои пылающие щёки. – Я просто...

– На плохой слух я не жалуюсь, Катя, – крепкие руки молодого